



ЖУРНАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ

ЕВРАЗИЯ

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ СОВЕТ РОССИИ
РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
Православный институт св. Иоанна Богослова
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Рецензируемое научное издание в области религии и культуры с приложениями: историко-археографическим «Наследие», научно-теоретическими «Вопросы религии и религиоведения» и «Вопросы теологии, религиозного образования и воспитания», научно-прикладным «Вопросы регионоведения и этнополитики», практико-ориентированным спецвыпуском «Русский мир: духовные традиции народов России и мира».

Журнал и его приложения способствуют популяризации материалов, посвященных изучению религий, культов, этнокультур и их онтоаксиологических комплексов, проблемам этнорелигиозного и институционального взаимодействия; культурно-просветительному, информационно-аналитическому, координационно-методологическому сопровождению деятельности заинтересованных организаций, включенных в сферу государственно-религиозных, межрелигиозных отношений и этнополитики, в целях содействия цивилизационно-мировоззренческому диалогу этнокультурных, религиозных и нерелигиозных картин мира (идеологий), социальной, демографической и национальной стабильности и безопасности обществ и государств Евразийского континента.

Тематика издания охватывает отрасли не только философских, теологических и исторических наук, но и смежных: правовых, политологических, социологических, педагогических, культурологических, филологических и искусствоведения.

Приоритетными для публикации считаются исследования, выполненные на российском и зарубежном, региональном и цивилизационном материале, раскрывающие характер спецификации и смыслополагания человека, группы, общества, государства с соблюдением философско-религиоведческого, экземпликативного, герменевтического, социокультурного, культур-психологического подходов и принципов историзма и объективности. Приветствуются публикации источников.

ЕВРАЗИЯ

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ

№ 1 / 2012

Лаборатория ИАРИП РПУ
Москва
2012

Редакционный совет:

Петр (Еремеев), игумен, д-р теологии, ректор РПУ–ПИ св. Иоанна Богослова (председатель)

Всеслоод Чаплин, протоиерей, к-т богословия, председатель ОВЦО Русской Православной Церкви (сопредседатель)

Грусман В.М., д-р пед. наук, профессор, заслуженный работник культуры России, директор РЭМ (сопредседатель)

Мусиенко Л.А., действительный советник СПб П кл., и.о. директора ГМИР (сопредседатель)

Седов А.В., д-р ист. наук, директор ГМВ (сопредседатель)

Шмидт В.В., д-р филос. наук, декан ФРЭР РПУ–ПИ, гл. редактор (зам. председателя – секретарь редсовета)

Александр, митрополит Астанайский и Казахстанский

Меркурий, митрополит Ростовский и Новочеркасский, председатель ОРОиК Русской Православной Церкви

Филарет (Булеков), игумен, к-т богословия, зам. председателя ОВЦС Русской Православной Церкви

Абдулатипов Р.Г., д-р филос. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель АНР

Борис Даниленко, протоиерей, к-т богословия, директор Синодальной библиотеки Русской Православной Церкви

Вебер Э., д-р теологии, профессор, гл. редактор журнала «Zeitschrift für Religionskultur»

Мионов В.В., член.-корр. РАН, д-р филос. наук, редактор АФФО

Мухетдинов Д.В., к-т полит. наук, первый зам. председателя ДУМЕР

Шмидт Т.М., д-р философии, профессор, зав. кафедрой философии религии Франкфуртского ун-та им. И.В. Гёте

Международный координационно-консультативный совет при Редакции**Редакционная коллегия:**

Шмидт В.В. — главный редактор (william@list.ru)

Смирнова С.К. — зам. гл. редактора по связям с национально-культурными объединениями (isdr@bk.ru)

Серигов В.В. — зам. гл. редактора по связям со странами англо-саксонского мира (vladserikov@hotmail.ru)

Гагинский А.М. — отв. секретарь (algaginsky@gmail.com)

Александр (Синяков), иеромонах, д-р богословия, профессор (Франция)

Вандерер Дж., д-р философии, профессор (Юж. Африка)

Верещагин Е.М., д-р филос. наук, профессор

Гантке В., д-р философии, профессор (Германия)

Денисова Е.В., к-т филос. наук, доцент

Димитров И.Ж., д-р теологии, профессор (Болгария)

Забяко А.Н., д-р филос. наук, профессор

Зубов А.Б., д-р ист. наук, профессор

Калезич Д., ставрофорный протоиерей, д-р богословия, профессор (Сербия)

Кимелев Ю.А., д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Лалин В.А., д-р искусствознания, профессор

Рыбаков Ю.М., д-р юр. наук, профессор

Сквайрс Е.Р., д-р филос. наук, профессор

Терюкова Е.А., к-т филос. наук, доцент

Хабудинов А.Ю., д-р ист. наук, профессор

Шахнович М.М., д-р филос. наук, профессор

Шеховцова Л.Ф., д-р психол. наук, профессор

Шмидт Б.Э., д-р философии, профессор (Великобритания)

Шмидт-Лейкель П., д-р теологии, профессор (Германия)

Элбакян Е.С., д-р филос. наук, профессор

Яблоков И.Н., д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Адрес Редакции:

109012, г. Москва, Новая площадь, д. 12

тел. (499) 681–5957, факс (499) 681–1914

e-mail: william@list.ru; algaginsky@gmail.com

интернет-страница: <http://rpu.ru>

Содержание

Краткая информация об авторах и их статьях — Contents & Summaries	4
Духовные традиции народов Евразии в универсуме культуры <i>Яблоков И.Н.</i>	18 4*
О государственно-гражданской идентичности россиян <i>Михайлов В.А.</i>	25 4*
Ипостазирование правового бытия: личность в праве в постклассической перспективе <i>Павлов В.И.</i>	32 5*
Взаимоотношение философии и религии как вопрос метафизики <i>Мионов В.В.</i>	42 5*
Что такое религия? Тезисы к диалектическому пониманию религии с заметками по поводу самоотчужденного рассмотрения религии <i>Вебер Э.</i>	58 6*
Изучение религии в научной парадигме: общее и особенное <i>Элбакян Е.С.</i>	62 7*
Пролегомены к эпистемологии религиоведения <i>Давыдов И.П.</i>	81 7*
Религиоведение в Беларуси: институциональное оформление и предметное поле <i>Карасёва С.Г., Короткая Т.П., Кутузова Н.А.</i>	88 8*
Формирование религиозной культуры в условиях интегративной модели религиоведческого образования <i>Человенко Т.Г.</i>	102 9*
Общее и особенное русской и европейской культуры в творчестве Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского <i>Козлов М.В.</i>	108 9*
Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана <i>Агапов Олег, протоиерей</i>	113 10*
Топография священного <i>Забяко А.П.</i>	123 10*
Монотеизм и проблема изображения <i>Тутьне И.А.</i>	137 11*

* Цифра отсылает на страницу с краткой информацией об авторе и статье.

Число и канон — принципы древнерусского храмо­строения <i>Городова М.Н.</i>	146 11*
«Laetae Camenae»: каролингская эклога и юмор <i>Ненарокова М.Р.</i>	161 12*
Песенный репертуар святочных обходов в городской традиции Русского Севера <i>Лалин В.А.</i>	180 13*
«Христос при дверех, жремая Пасха прииде»: Чин Умовения ног в древнерусской певческой традиции <i>Кручинина А.Н., Швеиц Т.В.</i>	186 13*
Интерпретация библейских образов в творчестве поэта конца XVII – начала XVIII в. Кариона Истомина <i>Пономарёв А.А.</i>	216 14*
Передача сцен изгнания из рая и поиски подобия потерянного рая в литературе и живописи <i>Игнатюк Е.А.</i>	222 15*
Проблема теодицеи в истории философии и православном богословии <i>Домусчи Стефан, иерей</i>	230 15*
Православное востоковедение: предмет, проблемы, перспективы <i>Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.</i>	252 16*
Рецензии	
Социология, религия и общество: рецензия на книгу М.Ю. Смирнова «Социология религии: словарь» (СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. — 412 с.) <i>Гараджа В.И.</i>	258 16*
Рецензия на книгу Клауса Мюлиуса «Индологические статьи и рецензии» (<i>Klaus Mylius. Aufsätze und Rezensionen zur Indologie / herausgegeben von Dieter B. Kapp. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. — 868 S.</i>) <i>Сериков В.В.</i>	261 17*
Из жизни партнеров Фонд просвещения «МЕТА»	264

* Цифра отсылает на страницу с краткой информацией об авторе и статье.

ISSN 2227-8788 (print)

УДК 2:130.2(4/5)

ББК 86.2:71.0(0)

Е 22

Свидетельство о регистрации журнала:

ПИ № ФС 77-49692

в системе РИНЦ № 179-04/2012

Учредитель, издатель и распространитель —
Российский православный университет –
Институт св. Иоанна Богослова (факультет
религиоведения, этнокультурологии
и регионалистики)

соучредители:

Межрелигиозный Совет России

Государственный музей искусства народов Востока

Государственный музей истории религии

Российский этнографический музей

при участии:

Россотрудничества

Ассамблеи народов России

Совета Муфтиев России

журнала «Zeitschrift für Religionskultur» (Германия)

при финансовой поддержке:

Фонда просвещения «МЕТА»

Перепечатка материалов возможна только по письменному разрешению Редакции

Библиографическое обеспечение журнала —
Синодальная библиотека Русской Православной Церкви им. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

При публикации материалов учитываются нормы правописания и стилистики, принятые в соответствующих религиозных традициях

Над номером работали:

Научный и выпускающий редактор —

Шмидт В.В.

Переводчик — *Сериков В.В.*

Редакторы — *Завельская Д.А., Лозина Г.В.,*

Малеванная Е.А.

Корректор — *Ведерникова Г.И.*

Верстка и оригинал-макет — *Пелипенко О.А.*

Подписано в печать 07.05.2012.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Тираж 1500 (1 : 350) экз.

Усл. п. л. 25. Уч.-изд. л. 27,7. Изд. № 001.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Миньон».

Отпечатано в ООО «Футурис», 109052, Москва,

ул. Нижегородская, д. 50. Тел.: (495) 505-5356.

Заказ № 4608-0512.

Распространяется по подписке во всех регионах России и за рубежом.

Индекс подписки в Объединенном каталоге «Пресса России: Газеты. Журналы» — 46351

ПЕРЕДАЧА СЦЕН ИЗГНАНИЯ ИЗ РАЯ И ПОИСКИ ПОДОБИЯ ПОТЕРЯННОГО РАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ

Е.А. Игнатюк

Библейская тема изгнания из рая в искусстве (литературе и живописи) имеет много самых разных толкований, стилизаций, соотносена с главными историко-культурными процессами, важными для понимания природы и эволюции человека. Поэты и живописцы столетий оказали сильнейшее влияние на представления людей о пространстве *небесного рая*. Всё, что связано с *земным раем*, также получало всё новые и новые интерпретации.

Говоря о земном рае, можно отметить, что еще в Средние века «многие евреи и христиане верили, что райский сад всё еще находился на земле, его можно найти и наслаждаться там жизнью. Рай даже отмечали на карте — в Китае или у побережья Индии. Его изображали как крепость, окруженную стеной. Согласно одной легенде, в VI в. один ирландский святой добрался на корабле до земного рая, где обнаружил птиц и зверей, которые вели себя как христиане, соблюдая запреты и церковные праздники»¹.

Если иметь в виду пространство небесного рая, то «это небесные сады, район небесных сводов, которые раньше располагались на земле, но потом были подняты на небо, чтобы уберечь плоды с древа жизни»².

Рай — это и Новый Иерусалим, небесный город, который опустится на землю в Судный день. Вот как шведский философ Э. Сведенборг понимал Новый Иерусалим, описанный в Откровении, и объясняя, каким образом совершается соединение небес с человеком посредством слова: «Под новым Небом и новой землей они [ангелы] понимают новую Церковь; под градом Иерусалимом, сходящим от Бога с небес, они понимают небесное учение, данное Откровением от господина; под его длиной, шириной

и вышиной, которые одинаковы и по 12 тыс. стадий, они понимают все блага и все истины этого учения в совокупности, под его стеной они понимают и стены, ограждающие это учение... под золотом, подобным чистому стеклу, из которого построен город и стены его, они понимают благо любви, которым сияет учение с его истинами»³.

Как отметил Д. Стивенсон, «понятие *рая* пришло в иудейскую, христианскую и мусульманскую религии из зороастризма. Мусульмане представляют себе весь рай в виде цветущего тенистого сада с журчащими фонтанами и прохладными водоемами»⁴.

А есть ли у буддистов рай? Оказывается, есть! «Это “буддакшетра” — поле учения Будды, созданное умственным усилием некоторых будд, и одновременно “некое царство людей”, сопричастных Будде... Это чудесный конкретный мир Сукхавати — “Страны счастья”... Там нет мучений тела и мысли, там — только радость, чистая безграничная радость... Это мир золота, серебра, лазурита и горного хрусталя. Даже почва — даже она — из мягкого, сияющего, ароматного золота, украшенного самоцветами»⁵.

Многие изображения рая были навеяны именно библейскими пророчествами. Особенно небесный рай интересовал средневековых и ренессансных художников. Дж. Холл в своем «Словаре сюжетов и символов в искусстве» пишет: «...южные мастера тяготеют к изображению рая как оазиса в пустыне... Четыре реки питают его, и он часто обнесен стеной. Его населяют всевозможные животные. Адам иногда изображается дающим им имена (Быт. 2: 19–21)...»⁶. В книге Дж. Холла также отмечено, что «до эпохи раннего Возрождения Бог, как правило, изображался как второе лицо Троицы,

¹ Стивенсон Д. Ангелы. М., 2004. С. 32.

² Там же. С. 31.

³ Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. СПб., 2000. С. 212.

⁴ Стивенсон Д. Ангелы. С. 31.

⁵ Вайнтруб И.В. Священные лики цивилизаций. К., 2001. С. 192.

⁶ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 53.

но в более поздних произведениях его соотносят с «патриархальным» типом Бога-Отца. Он вдыхает жизнь в ноздри Адама или простирает свою руку, дабы передать ему жизнь своим прикосновением. В сцене сотворения Евы Адам лежит на земле, поскольку бог ниспослал на него глубокий сон, а сам тем временем извлекал из него ребро. Существовало широко распространенное правило, согласно которому Ева изображалась выходящей из тела Адама в тот момент, когда он спит...»⁷.

Любопытно знать, что же видел Адам во сне? Обратимся к памятнику литературы Древней Руси — «Беседе трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста». Из текста узнаём, что сон Адама непременно связан с идеей пророчества на земле: «Когда Адам заснул в раю и проснулся, Господь спросил его: “Адам, что ты видел во сне?” Адам ответил: “Видел, Господи, Петра, идущего в Рим, а Павла — в Дамаск, а Иоанна Богослова — в Эфес, а тебя, Господи, видел распятого на кресте в Иерусалиме на Голгофе”. Это и есть пророчество Адама»⁸.

Заметим: позднее, уже в XIX в., например в эпоху символизма, в образе Адама, который пророчествовал во сне, некоторые творцы видели земного поэта, для которого поэзия — это пророческое видение, как вещий сон. Так, французский поэт А. Рембо, который, хоть и в духе парнасцев назвал себя ясновидцем и при этом писал резкие антирелигиозные стихи («Первое причастие», «Бедняки в церкви»), предполагал, что «посредством тяжелых упражнений поэт может перестать быть самим собой и действительно станет посредником между человечеством и вселенной... Он достигает неведомого, и пусть, обезумев, он утратит понимание своих видений, — он их видел!»⁹. Если следовать этой мысли Рембо, то хочется думать, что главное пророчество такого поэта-Адама в следующем: «Мужчина отпустит женщину на свободу... И она

будет поэтом! Женщина обнаружит неведомое!»¹⁰ У Рембо такая женщина похожа на Офелию. Читатель же видит в ней Еву?!

Некая вечная эсхатологическая Офелия (стихотворение «Офелия») напоминает «Офелию» художника прерафаэлиты Д. Эверетта Милле (1829–1896):

Плывет Офелия, как лилия бела <...>
Свобода! Взлет! Любовь! Мечты безумны были!
И ты от их огня растаяла, как снег:
Виденья странные рассудок твой стубили,
Вид бесконечности взор погасил навек.

Богат живописный уровень стихотворения. Обратим внимание на цвет воды («черных вод», «над черной глубиной»), психологическое состояние водного пространства («кувшинки смытые вокруг не вздыхают»¹¹). Воду можно понимать как психологическую метафору: часто в искусстве вода олицетворяет движение и свободу...

А вот еще пример *рая*, который постигается через сновидение.

У русского поэта XIX в. К. Батюшкова, автора «Похвального слова сну», *рай* — это мир, где «всё приглашает ко сну... Ни крик петуха, ни стук топора, ни топот, ни конское ржание — ничто не нарушает глубокого молчания»¹². Куда же направлены сны обитателей поместья? Можно думать, что к пробуждению, на встречу с какими-то прекрасными образами, как звуки пастушьего рожка или журчание ручья. У Батюшкова сон человека — прежде всего «дар небес». Например, дети поместного рая спят, как ангелы («Это ангел, который покоится на лоне невинности: розы горят на ланитах малютки; уста его улыбаются»¹³), а взрослые, несчастливцы, часто «усыпляют свои горести»¹⁴. И в таких снах почти вырисовывается облик библейской согрешившей Евы. Правда, вместо Евы им является Пандора: «Сладостное усыпление — истинный дар небес, оставшийся на дне сосуда неосторожной Пандоры»¹⁵.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Беседа трех святителей // «Златоструй»: Древняя Русь X–XIII веков. М., 1990. С. 265.

⁹ Рембо А. Стихи. М., 1982. С. 252.

¹⁰ Там же. С. 241.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Батюшков К. Похвальная ода сну // Батюшков К. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 127.

¹³ Там же. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 129.

¹⁵ Там же. С. 130.

Однако вернемся к средневековым и ренессансным живописцам, которые в передаче сцен изгнания из рая исходили в основном из *библейских текстов* — рассматривали проблему грехопадения, не касаясь темы возвращения в небесный рай. Наверное, они понимали трагедию согрешившего человека именно так, как понимал ее средневековый богослов, святой Иоанн Дамаскин: «Он [человек] был создан нетленным, бесстрастным и бессмертным для равноангельской жизни, имея возможность непрестанно созерцать Творца. Но всё, что дано первозданному человеку, он должен был усвоить своей свободой. Так как добродетель его лишь то, что не по принуждению. Человек не выдержал этого испытания и пал. Причем грехопадение так сотрясло его природу, что ее гармоническое строение нарушилось, и с тех пор он тяготеет в сторону вещества. Погружаясь в материю, человек сделался смертным, поддался вожделию и страстям»¹⁶.

Тема изгнания из рая нашла широкое выражение в христианских сюжетах: «Адам и Ева» (ок. 1105) — картина мастера Вильгельма, «Грехопадение» (ок. 1330) — скульптура Л. Майтани, «Ева» (1485) — картина Х. Мемлинга, «Изгнание из рая» (1425–1428) — картина Мазаччо (см. илл. 1), «Адам и Ева» (1508) — фреска Рафаэля, «Грехопадение и изгнание из рая» (ок. 1410) — миниатюра братьев Лимбургов, «Ева» — фрагмент Гентского алтаря (1426–1432) Я. Ван Эйка, «Адам и Ева» (1470) — Г. ван дер Гуса (см. илл. 2), «Эдемский сад» (ок. 1620) — Я. Брейгеля и др.

Многие сюжеты изгнания из рая (как оценивал их, например, К. Кларк, автор книги «Нагота в искусстве»), вдохновлены «поэзией наготы» и «почти не имеют аналогии с античным искусством»¹⁷. К. Кларк, однако, не мог не заметить, что, например, М. и П. Лимбурги ценили именно античный классический идеал физической красоты. Вот как английский искусствовед видел Еву из миниатюры «Роскошного часослова герцога Беррийского»: «Мы видим Еву, голую, как креветка, пребывающую, как поначалу кажется, в полном неведении относительно своего состояния. Но по мере того, как ее увещивает Всемогущий, она начинает чувствовать стыд, и, когда ее изгоняют — через ажурный портик парадиза, — она принимает позу Венеры, но с большим фиговым листом спереди»¹⁸.



Илл. 1. Мазаччо. Изгнание из рая



Илл. 2. Г. ван дер Гус. Адам и Ева

¹⁶ Рыжков В.В. 100 великих пророков и вероучителей. М., 2004. С. 271.

¹⁷ Кларк К. Нагота в искусстве. СПб., 2004. С. 274.

¹⁸ Там же. С. 367.

Кажется, в такой Еве, изгнанной из рая, познавшей стыд, нагой, нам сегодня меньше всего хочется видеть античную Венеру и даже «нерейду», которая, по замечанию того же К. Кларка, например, «у сиенского скульптора Лоренцо Майтани превращена в Еву». Думается, что в Еве Лимбургов сегодняшней созерцатель хочет увидеть некую вдохновительницу для Адама, однако не для страдающего, а скорее, для счастливо странствующего, словно сошел он с текста ренессансной новеллы Ф. Саккетти. У Саккетти греховный человек знает про себя, что он несовершенен и одинок; порой он смиряется со своей греховностью, как в новелле № 21, где герой (Бассо делла Пенна) пишет завещание, по которому «мухам ежегодно следовало давать корзину с перезрелыми грушами»¹⁹, и объясняет это так: «за время болезни его не оставили именно мухи, в отличие от его бывших друзей, от жены»²⁰. И у того же Саккетти узнаём, что шут Риби, а еще он странник, хочет прикрыть свою ногу (у него изорвался кафтан из романьольского сукна) заплаткой из алого королевского сукна, думая так: «...а хорошо, если бы всё остальное было алого цвета»²¹. Здесь наш Адам, чтобы прикрыть свой стыд, имеет кафтанчик — вместо фигового листа. Фиговый лист заменяется малиновой заплаткой — как мечтой о королевском платье. На лице Адама уже не видим того отчаянья, которое изобразил, например, Мозаччо. Ведь кто латает шуту кафтан? Конечно же, женщина — Ева.

По-иному, нежели у Мемлинга или Рафаэля, звучит тема изгнания из рая в «Человеческой комедии» О. де Бальзака. Французский писатель, современник М. Лермонтова, показал трагизм человеческого падения, начатого еще в библейском раю и протекающего на глазах человека XIX в. У Бальзака мужчина не показан тем Адамом из апокрифического сказания, который только зачинался Господом в раю, до грехопадения, когда «Господь Бог оставил Адама одного лежать на земле»²². В тексте Бальзака скорее к такому мужчине приходит *окаянный сатана... и вымазывает его грязью и тиной.*

Бальзаковский мужчина обвиняет женщину во всевозможных земных грехах, считает, что может вернуть небесный рай (небеса) только себе, и без участия *Евы.*

В «Человеческой комедии» собирательный мужской образ больше имеет демоническую окраску. Рассуждая о бальзаковском герое, интересно обратиться к произведению М. Лермонтова «Демон», а также к книге А. Позова «Метафизика Лермонтова». По мысли А. Позова, *Демон* Лермонтова хочет использовать женскую любовь, красоту, чтобы «иметь (в женщине. — Е.И.) посредника, который бы примирил его с небесами, но не с Богом»²³. А. Позов пишет: «Демон хочет примириться с небом. Нет прямого обращения к Отцу, нет раскаяния... Через посредничество монахини Тамары он оставляет за собой лукаво приобретенное царство, устранив законного владетеля Адама, украв у него земной трон»²⁴.

Бальзаковский герой — словно Демон из поэмы М. Лермонтова. Если принять такую параллель образов, то и бальзаковская женщина (Графиня Бони, Бланш и др.), как и Тамара в поэме Лермонтова, кажется, должна спасти такого демонического мужчину от зла. Должно произойти некое пробуждение духа у мужчины, когда он должен признать женскую красоту (красоту Евы). Однако пробуждения не происходит. К примеру, жена коннетабля д'Арминьяка, графиня Бони, была изрядной ханжой: играла перед мужем роль честной, благочестивой женщины, однако забыла бога любви и «стала главной причиной смерти своего любовника (племянника короля Савуази) от шпаги своего мужа, при этом нисколько не раскаялась о совершенном ею грехе»²⁵.

Рассуждая о бальзаковской Еве (если использовать здесь текст Э. Сведенборга «О браке на небесах»), можно не сомневаться, что в ней отсутствует та воля к жизни, о которой писал Сведенборг: «Брак на небесах есть духовное соединение двух личностей в одну. Дух состоит из двух частей, из которых одна называется разумом, а другая — волей; когда эти обе части действуют нераздельно, они тогда образуют

¹⁹ Саккетти Ф. Новеллы. М., 1968. С. 46.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ Там же. С. 87.

²² Беседа трех святителей // «Златоструй»: Древняя Русь X–XIII веков. С. 257.

²³ Позов А. Метафизика Лермонтова. Мадрид, 1975. С. 70.

²⁴ Там же. С. 72.

²⁵ Бальзак О. Человеческая комедия: Озорные рассказы. Т. 24. М., 1960. С. 420.

один дух: муж на небесах действует как та часть, которая называется разумом, а жена — как та часть, которая называется волей... Супружеская любовь берет начало свое в соединении двух личностей в один дух»²⁶. Однако, как можно заметить, брак бальзаковских героев не совершился на небесах.

Несколько иного Адама, чем в текстах Бальзака, читатель находит в сказке Г. Гессе «Превращение Пиктора». Пиктор — *на пути к возвращению в небесный рай* — однажды «мечтал, чтобы ему доступно было любое превращение, мечтал превратиться в дерево, потому что деревья казались ему воплощением покоя, силы и достоинства»²⁷. Вскоре, однако, Пиктор потерял способность превращаться, т.е. меняться: «Он видел, как цветы становятся драгоценными камнями или вспархивают и улетают прочь трепетными птицами с блестящим опереньем»²⁸. И он, Пиктор, почувствовал себя малоактивным, *лишенным поэтики жизни человеком*, который не совсем угоден Богу в раю...

Взглянем на тему потерянного рая эсхатологически, т.е. представим, что Адам и Ева, когда-то изгнанные из рая, непременно должны вернуть себе этот рай. Здесь можно обратиться к философии Н. Бердяева, который *русскую идею* объяснил эсхатологически: «В русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления к всеобщему спасению... Всё первохристианство было эсхатологично, ждало второго пришествия Христа и наступления царства Божьего... Царство же Божье... это конец этого мира, мира неправды и уродства, и начало нового мира, мира правды и красоты»²⁹. Неслучайно Н. Бердяев обращает внимание на то, что у русских философов и поэтов-символистов образ Евы трансформировался в образ жены — Прекрасной дамы, Софии. Например, он находит интересной софилогическую тему Я. Бёме: «Учение Я. Бёме о Софии есть учение о вечной девственности, а не о вечной женственности. София есть девственность, целостность человека, андрогинный образ человека. Грехопадение человека и было утерян им своей Девы-Софии. После падения София отлетает на небо, а на земле является Ева»³⁰. Такая же *софилогическая* Ева прочитывается в картинах



Илл. 3. А. Фонвизин. Композиция с фигурой Христа (1904)



Илл. 4. А. Фонвизин. Невеста (1902)

А. Фонвизина, русского живописца-символиста («Композиция с фигурой Христа» и «Невеста»). Художник словно покрыл ее водопадом своих грез... (см. илл. 3, 4).

²⁶ Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. С. 266.

²⁷ Гессе Г. Превращение Пиктора // Казанова исправляется. М., 2004. С. 443.

²⁸ Там же. С. 442.

²⁹ Бердяев Н. Самопознание // Бердяев Н. Соч. М.; Харьков, 2005. С. 200.

³⁰ Там же. С. 181.

Важно отметить, что эсхатологическая философия Н. Бердяева появилась под влиянием творчества Ф.М. Достоевского, у которого, по замечанию автора «Русской идеи», «идея конечного, совершенного состояния человечества, земного рая имела огромную роль, а эсхатологизм — понимался как пророчество о явлении человекабога»³¹. Если принять во внимание эту оценку Бердяевым эсхатологизма Достоевского, то потерянный рай надо рассматривать именно как спасенный и совсем не рассматривать его апокалипсически. У самого же Ф.М. Достоевского «возможны три решения вопроса о мировой гармонии, о рае, об окончательном торжестве добра:

1) ...рай... без свободы избрания, без мировой трагедии, без страданий, но и без творческого труда;

2) ...рай... жизнь в добре на вершине самой истории, купленная ценой неисчислимых страданий и слез всех, обреченных на смерть человеческих поколений, превращенных в средства для грядущих счастливых;

3) ...рай, жизнь в добре, к которым придет человек через свободу и страдание в плане, в который войдут все когда-то жившие и страдавшие, т.е. в Царстве Божиим»³².

Иным, нежели у русских христианских философов начала XX в. вырисовывается *рай* у большевиков? Например, в пролетарском искусстве начала XX в. такой рай, каким он показан в библейских текстах, не мыслился. Ведь в идеологии большевизма имела место задача построения некоего утопического рая на земле, над которым так иронизировал в своем раннем творчестве В. Маяковский, не принимая ни революцию, ни войну:

Когда все расселятся в раю и в аду,
Земля итогами подведена будет —
Помните:
В 1916 году
Из Петрограда исчезли красивые люди.³³

Такие «красивые люди» в стихотворении «Весенний вопрос» куда-то спрятаны автором: весенние «улицы советские служащие искропили», «юридически — куда хочешь идти можно, но фактически — сдвинуться никакой возможности», поэтому

поэт предлагает «отрегулировать весну»³⁴. Быть может, хочет найти «красивых людей»?

Можно вспомнить и картину «Большевик» (1919–1920) Б. Кустодиева, где автор *хотел выразить чувство стихийного в большевизме*. Например, кустодиевского «Бородача-большевика» искусствовед А. Каменский охарактеризовал так: «Как-то слишком жестоковат и мрачен для сказки такого вида богатырь... Не слишком ли он, этот воспаленный бородач, готов шагать через толпы и через судьбы, не заботясь о том, как чувствует себя при его неистовом марше людская мелюзга? Не намеревается ли он навязывать силой свою физическую волю, тащить в рай за шкуру, ни с кем и ни с чем не считаясь?»³⁵

Интересны белорусские живописцы и писатели, особенно второй половины XX в. (60–70 годы), в творчестве которых почти отсутствовал библейский сюжет изгнания из рая. Рай чаще визуализировался в образе земного весеннего хутора (малой родины) или сада.

В работе Ю. Крупенкова «Яблони цвет» (2001) показан *весенний райский сад* уснувших при луне влюбленных, кажется, еще не согрешивших — не сорвавших запретный яблоневый плод (см. илл. 5).



Илл. 5. Ю. Крупенков. Яблони цвет

Для Г. Сурмы (в пейзаже «Из детства») именно хутор с весенним предгрозовым небом является символом *потерянного рая*, о котором напоминают

³¹ Там же. С. 207.

³² Там же. С. 130.

³³ Маяковский В. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 91.

³⁴ Там же. С. 160.

³⁵ Каменский А. Борис Михайлович Кустодиев // Огонек. 1988. № 3. С. 17.

куст сирени и аист на крыше дома, давно покинутого людьми (см. илл. 6).



Илл. 6. Г. Сурма. Из детства

Это сиреневое настроение Г. Сурмы словно предугадала белорусская поэтесса М. Наталич. Вот строки:

Цветет сирень,
Как дерево в раю,
И полнится душа веселым трепетом,
Так полнится земля весенним щебетом
В родном,
Давно потерянном краю.
Горчит сирень...
И словно страх-догадка:
А вдруг и там —
В аду или раю —
Пригрезится сирень,
Мучительно и сладко,
В потерянном краю...³⁶

Вообще, душа лирической героини М. Наталич между раем и адом мечется, словно повисла *в саду на окраинах неба* «птахою», чтобы признаться себе: «Проросла на земле я небылью и не знаю — нужна ли небу я?»³⁷ Кажется, земной рай понятен и прост. Он как жизнь... А «жизнь проста, как земля, / ей стелиться под корни травы / И милей, и привычней — / всходили бы травы погуще...»³⁸ Только вот... «ветер непутевый»... «Всё без толку свистит про какие-то райские кущи...»³⁹

Можно обратиться к рассказам белорусского прозаика А. Кудравца, написанным в 60-е гг. XX в., где

герой ищет рай именно на земле. Образ рая — собирательный, он прочитывается в символах *Родина, родня, дом, дорога*. И больше всего рай — *сад*. Сад — *малоузнанный, чей-то, заброшенный, дикий*. Порой в таком саду можно встретить символического *садовника*. Это — время («Час — гэта няўмольны садоўнік — адсякае кожную галінку, на якой намеціўся хоць нязначны намек на магчымае ўсыханне. Адсякае галіны, не думаючы пра тое, што нават мёртвыя, яны звязаны з каранямі, і, секучы іх, ён сячэ і само карэнне»⁴⁰).

Человек хочет вернуть когда-то брошенный им сад, однако не знает, как это сделать. Порой герой у А. Кудравца — этаким символический «топтун» — призван утапывать стог сена. И должен это делать правильно: «Усё залежыць ад умення таптуноў. На стозе яны не стаяць не адной хвіліны на адным месцы. Яны звязаныя нябачнай вярхоўкай, яны ходзяць па розныя бакі жэрдкі...кругом, кругом...»⁴¹. Здесь стог сена — символ мира, единства рода. Однако Макар, герой рассказа «Елочки», дожив до старости, так и не научился топтать сено: однажды ушел куда-то из Слободы, бросил жену и детей. И вот — через восемь лет вернулся («Адчуў сябе чужым у сваёй хаце. Тыя восем гадоў, калі яго не было тут, зрабілі ягоную хату чужой яму»⁴²).

Порой кажется, что особенно современная литература навсегда исчерпала себя в образах и сюжетах на тему возвращенного рая. Для постмодернистского человека уготовлен некий абсурдный рай — словно «знакомый незнакомец» А. Камю, «отразившийся на мгновение в зеркале или обнаруженный на нашей собственной фотографии»⁴³. По мысли французского философа, рай есть, когда он *нечеловеческий*, как и *основание любой красоты — нечеловеческое...* И рай потерян, когда он теряет *иллюзорный смысл*, кагда он обнаруживается, замечается... («Основанием любой красоты является нечто нечеловеческое. Стоит понять это, и окрестные холмы, мирное небо, кроны деревьев тут же теряют иллюзорный смысл, который мы им

³⁶ Наталич М. Улитка вселенной. Мн., 2005. С. 40.

³⁷ Там же. С. 62.

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Кудравец А. Выбранные творы: у 2 т. Т. 1. Мн., 1987. С. 390.

⁴¹ Там же. С. 345.

⁴² Там же. С. 353.

⁴³ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 31.

придавали. Отныне они будут удаляться, превращаясь в некое подобие потерянного рая»⁴⁴.)

Хотя обывателю, выхваченному из повседневности, почти всё равно, есть ли рай или его нет, есть ли ангелы... В рассказе Г.Г. Маркеса «Старый-престарый сеньор с огромными крыльями» говорится об ангеле, который однажды прилетел в латиноамериканский город, однако попал под дождь и не может взлететь. «Он потерял много перьев, в его крыльях полно паразитов. Люди вместо того, чтобы позаботиться о нем, думают лишь о том, а не сделает ли он что-либо плохое... Его держат в курятнике, кормят птичьим кормом и еще берут плату с тех, кто хочет посмотреть на него... К счастью для ангела, люди быстро потеряли к нему интерес, что позволило ему выздороветь и улететь»⁴⁵.

В реальности начала XXI в., реальности абсурда, семья как бы отравлена. Она мало нуждается в Боге. Здесь можно обратиться к страницам книги Е. Трубецкой «Смысл жизни», где автор концентрирует внимание на грехе, который принял *форму всеобщности*: «Посмотрите на мир, отпавший от Бога. В отличие от рая он характеризуется отпадением всех жизненных связей: рушится всеобщий мир, низшая тварь ополчается против человека, стихии выходят из повиновения; в распадении связи между душой и телом человек познает силу смерти; жизнь борется против этой силы... И в результате всей этой художественной картины космического распада так ясно ставится основное религиозное требование — требование восстановления целостности мира и целостности жизни в Боге, требование освобождения от греха и смерти»⁴⁶.

А может, люди просто не знают, как правильно вернуть себе рай? А вот герой книги «Разговор с небожителем» поэта И. Бродского, кажется, это знает. Поэт ощущает себя «определенно посредником» между земным и небесным раем: в своей фантазии, с желанием найти выход из дисгармоничного, тленного мира на землю из небес перетаскивает он блаженную страну, где «время неподвижно... и нет смерти», а есть особое небытие:

Не жилец этих мест,
Не мертвец, а какой-то посредник,
Совершенно один
Ты кричишь о себе напоследок:
Никого не узнал, обознался, забыл, обманулся,
Слава Богу, зима. Значит, я никуда не вернулся.⁴⁷

В текстах Бродского смерть есть *то, чего нет*; она становится похожей на возврат поэта из *воображаемого им небесного небытия* в юность, а в чертогах такой юности (она же *зима*), где время, как и на небесах, словно заморожено и *нет смерти*, поэт больше всего чувствует себя Небожителем:

Как легко нам дышать,
Оттого, что, подобно растенью,
В чей-то жизни чужой
Мы становимся тенью,
Или больше того,
Оттого, что мы всё потеряем,
Отбегая навек, мы становимся смертью и раем.
Вот я вновь прохожу
В том же светлом раю — с остановкой налево,
Предо мною бежит,
Закрываясь ладонями, новая Ева...⁴⁸

На этом, пожалуй, можно остановиться. Рассмотрим концепцию возвращенного рая у художников и писателей, полагаем, что наиболее одушевленным, образным является *рай* у Иосифа Бродского в «Разговоре с небожителем». Рай — это особый возраст человека, его красота и молодость, это начало яркого пути, где нет распада, тления... И в такой *рай* может вернуться каждый из нас — стать Небожителем уже здесь, на земле, если, конечно, быть преисполненным творчеством, духовным поиском, например, как Бродский. Вспоминаются его строки из «Прощальной оды»:

Боже, услышь меня, давший мне душу, Боже!
Дай ее разбудить, светом прильнуть к завесам
всех семи покрывал, светом сквозь них пробиться!
Дай над безумьем взмыть.⁴⁹

Как можно заметить, здесь угадывается желание создать прекрасный мир — идеал высокой свободы и бессмертия...

© Игнатюк Е.А., 2012

⁴⁴ Там же. С. 30.

⁴⁵ Стивенсон Д. Ангелы. С. 332.

⁴⁶ Трубецкой Е. Смысл жизни. М., 2011. С. 274.

⁴⁷ Бродский И. Разговор с небожителем. СПб., 2010. С. 42.

⁴⁸ Там же. С. 133.

⁴⁹ Там же.

ПЕРЕДАЧА СЦЕН ИЗГНАНИЯ ИЗ РАЯ И ПОИСКИ ПОДОБИЯ ПОТЕРЯННОГО РАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ

Игнатюк Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета (Беларусь), e-mail: ilin-al@tut.by

В статье проблема первородного греха выведена за рамки суда и возмездия: это больше разговор о том, какое развитие получила образная линия Адама и Евы в искусстве веков, и как «благодать Божия» отразилась в исполнении темы рая многими художниками. Основной лейтмотив статьи — современному человеку нужно пробудить в себе бывшее чувство греха, чувство потерянного рая.

Ключевые слова: рай в искусстве, грехопадение, пространство небесного рая, сцены игнания из рая, эсхатология, тема возвращенного рая, небожитель.

————— с. 222 s. —————

Reproducing of the scenes of the expulsion from Paradise and the search for the image of Paradise lost in literature and painting

Ignatuk, Elena Alexandrovna, Candidate (Philosophy), Associate Professor, Department of the Humanities, Philosophy and Law, Polesye State University (Belarus)

The paper considers the problem of the original sin outside of the context of judgment and retribution. The development of the images of Adam and Eve is traced through the centuries of the history of art with particular attention paid to the way different Artists rendered God's grace in painting Paradise themes. The keynote of the paper is a conclusion of necessity for the modern individuals to become aware of their pristine sense of sin, i. e. the sense of the Paradise Lost.

Key words: Paradise in art, the Fall, the space of the Heavens, scenes of the expulsion from Paradise, eschatology, Paradise Found, celestial being.